

3. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
4. Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С. Судебно-психологическая экспертиза: Методическое руководство. Калуга-Обнинск-Москва, 1996. 156 с.
5. Конева Е. В., Орел В. Е. Судебно-психологическая экспертиза: Учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 91 с.
6. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 256 с.
7. Коченов М. М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 46 с.
8. Метелица Ю. Л., Шишков С. Н. Значение категории понимания в судебной психиатрии // Психол. журн. 1989. Т. 10. № 5. С. 75–80.
9. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека. Л.: ЛГУ, 1989. 128 с.
10. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза аффекта в свете нового Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 2. С. 50–57.
11. Ситковская О. Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта. М.: ВНИИ прокуратуры, 1983. 70 с.
12. Ситковская О. Д. Психологические основания уголовной ответственности (Психология и проблемы Общей части уголовного законодательства). Баку: Билик, 1992. 112 с.
13. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 144 с.
14. Щедровицкий Г. П. Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследования рече-мыслительной деятельности / Отв. ред. М. М. Муканов. Алма-Ата: ВНИИ-ТЭ, 1974. С. 12–28.

*Евгений Леонидович ДОЦЕНКО –
доцент кафедры общей и педагогической
психологии,
кандидат психологических наук*

УДК:159.92

СУБЪЕКТИВНАЯ СЕМАНТИКА МЕЖЛИЧНОСТНОГО КОНТАКТА

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается предположение о том, что в межличностном контакте воплощена глубокая зависимость людей друг от друга. Показано, что законы человеческого общения наиболее полное свое выражение находят в межличностном контакте в соприкосновении психологических границ. Исследовательский подход характеризуется стремлением реконструировать субъективные индивидуальные смыслы.

The article deals with the idea that the nature of interpersonal contact is based on deep human interdependence. Interpersonal communication is considered as people's desire to commune with each other. The research is concentrated on subjective individual means of understanding.

Словосочетание *межличностный контакт* — интуитивно понятное при первом восприятии и в повседневном употреблении (и в устах специалистов тоже) — оказывается неоднозначным при детальном рассмотрении и попытке превратить его в научное понятие. Мы намерены предварительно очертить объем данного понятия и частично наполнить его конкретным содержанием.

Семантическое поле понятия «межличностный контакт»

Понятие межличностного контакта мало используется в научной литературе, тогда как в естественном языке оно применяется довольно часто. Наиболее устойчивые словосочетания — «установить контакт», «вступить в контакт», «поддерживать контакты», «разорвать контакты». Причем *контакт* в них может быть заменен словом *отношения*, что вскрывает частичную синонимичность этих слов. Этой возможности почти лишены, например, словосочетания «выйти на контакт», «контактировать с...», «потерять контакт», «ограничить контакты», «есть контакт!». Различие в словоупотреблении указывает на содержательную разницу. Различие между ними может проходить по линии *актуальное соприсутствие* (здесь-и-теперь) — *вневременное сосуществование* (обобщенное, генерализованное). То есть слово *контакт* чаще употребляется тогда, когда люди находятся в пределах доступности для восприятия органами чувств, и указывает на наличие благоприятных для общения условий. А *отношения* — на чувственную наполненность общения конкретным содержанием, которое не зависит от того, соприсутствуют в данный момент партнеры или нет, а лишь от направленности их общения, от общего эмоционального тона.

Возможно, *межличностный контакт* отсылает к чему-то более поверхностному, чем *отношения*: мы чаще говорим «вовлекаться в отношения», но реже «вовлекаться в контакт». Вместе с тем в повседневном словоупотреблении встречается выражение «глубокий контакт», что противоречит этому предположению. Для нас это означает необходимость рассмотреть проблему глубины контакта и видов контакта в зависимости от их глубины.

Метафорически контакт может быть описан как межличностная встреча, психологические объятия, создание общей границы двух систем, возможно, их слияние, подключение стыковочных узлов, «психологических разъемов».

Этимологически слово *контакт* (латинское *contactus* — касание) указывает на прикосновение, прикасание. В исходном виде — предельное сближение телесных границ. Но поскольку о контакте говорят не только в связи с телесными прикосновениями, следовательно, мы в данном случае имеем дело с метафорой — термином, перенесенным на более широкий круг явлений, чем первоначальный. Очевидно, что эта метафора уже давно перестала восприниматься как метафора, но остается проблема: если границы не телесные, то какие тогда? Важно понять, что вступает в соприкосновение, какими границами контактирует? Также необходимо выяснить, что это за явление — соприкосновение границ, как оно реализуется психологически?

Феномены, по отношению к которым может быть использовано понятие межличностного контакта:

- всевозможные виды *прикосновений* к телу человека,
- *взгляд* на партнера по общению,
- *речевое обращение* к нему,
- *внимание* к его появлению, к речи, к ее содержанию,
- *стремление* понять смысл его высказываний, намерений,
- *учет* его интересов, внимание к целям партнера по общению,
- *признание* за ним права иметь собственное мнение, привычки, вкусы, намерения и т. п.

Все феномены содержат общий знаменатель, состоящий в направленности на партнера, повернутости и приближенности к нему, в наличии сфокусированности на Другом. Мы предполагаем, что сущность контакта состоит в том, что векторы активности партнеров по общению направляются друг

на друга, субъекты сопрягаются в составе нового образования, имеющего общие границы. Данное предположение мы будем рассматривать как гипотезу, постепенно наполняя ее содержанием.

Онтогенез межличностного контакта

Исходное (прототипическое) событие, лежащее в основе субъективных представлений о контакте, состоит в прикосновении друг к другу двух живых существ. Чтобы понять, как это обстоятельство может определить огромную субъективную значимость межличностного контакта для человека, нам необходимо найти ключевое событие, способное решающим образом заложить основы такого отношения. Сделаем это с помощью онтогенетической интерполяции, призванной реконструировать ощущения младенца, характерные для перинатального и раннего постнатального периодов, понять состояние, в которое он погружается в момент первой встречи со взрослым. Технически наши действия будут состоять в том, чтобы: (а) собрать известные нам субъективные ощущения, (б) перевести их, по возможности, в протопатическую* форму и (в) наложить их на представления о закономерностях субъективного восприятия и запечатления того, как протекают указанные периоды. Инструментом такой реконструкции станут психические структуры исследователя. Мы призываем читателя, помимо понимания на уровне слов, постараться воссоздать в собственных переживаниях описываемые состояния. Успех реконструкции зависит от того, насколько хорошо нам удастся вчувствоваться в состояния младенца.

Представим, как себя может чувствовать плод в утробе матери, начиная где-то с шестого месяца беременности. Вероятно, что для него угроба матери — это и есть весь мир. Этот мир вплотную (от слова *плоть*, то есть, прикасаясь *плоть к плоти*) подступает к ребенку: сжимает, поддерживает, сохраняет, питает, беспокоит и тревожит. Все это несколько стерто, приглушенно и смутно. (Последние два слова можно понимать буквально. «Приглушенно» — доходящие извне звуки приглушаются и смазываются. «Смутно» — это еще мягко сказано, поскольку вокруг стоит крошечная тьма.)

С. Гроф (1994) счел возможным выделить важные для будущей жизни человека периоды, непосредственно примыкающие к моменту его рождения. Исходный длительный и относительно безмятежный период внутриутробного развития дает образец спокойствия, глубокой простоты и защищенности. Он сменяется неприятными событиями, когда весь мир (в субъективном восприятии ребенка) начинает его подавлять — сжимать, душить (объективно — начало родовых схваток). При этом никакого выхода не намечается (родовые пути еще не начали открываться). Это состояние безвыходности («выхода нет») и подавленности («жмут со всех сторон») становится образцом и основой, как считает С. Гроф, будущих состояний подавленности, тоски и отчаяния.

Следующий перинатальный период наступает с момента, когда начинают открываться родовые пути — обозначается направление предстоящего движения. С. Гроф полагает, что получаемый ребенком в данном периоде опыт задает образец («матрицу») состояния настроенности на борьбу за выживание. Главная субъективная особенность данного периода — готовность идти до конца, которая проистекает из крайней остроты негативных

* В соответствии с общей закономерностью развития психики от протопатического состояния к эпикритическому. Для нее характерен переход от синкретической нерасчлененности и взаимосвязи к дифференцированному восприятию.

переживаний и решительности загнанного в угол смертника (вспомним выражение «биться смертным боем»). В будущем данная матрица позволит человеку настраиваться на состояние борьбы, мобилизовать силы на достижение важной для себя цели.

Завершающий согласно С. Грофу период — тот, в котором совершается прорыв через все препятствия. Это — победа. Но победа «со слезами на глазах», поскольку еще свежо впечатление о том, какова цена этой победы. Когда мы ликуем, исторгаем победные возгласы «Ура!», «Yes!» и пр., в нас «работает» матрица победителя.

Присоединяясь к логике размышлений С. Грофа, отметим важную особенность. Оказавшись в новом для себя мире, новорожденный почему-то не ликует, а плачет, взывая о помощи, как это делают и детеныши животных. Утешением служат прикосновения матери. У животных это часто тщательное вылизывание. Попробуем понять субъективный механизм такого утешения.

Общим для всех периодов, обсуждаемых С. Грофом, является то, что значительную роль в них играют прикосновения к телу ребенка. Можно сказать, что ребенок живет и воспринимает жизнь посредством тела. В момент же, когда он оказывается — как мы можем подумать — освобожденным от стесняющих условий материнского лона, он оказывается и вне жизни — той, которой до сих пор жил. Когда мы, внешние наблюдатели, констатируем рождение ребенка, он — в своем субъективном восприятии — умирает, лишившись мира, в котором жил и боролся, знал безмятежное состояние полной защищенности и покоя и в котором прошел стремительный путь напряженнейшей борьбы за выживание.

В новом мире нет привычных опор — плотного облегания тела, тепла, влажности. В нем полно угроз и неизвестности — яркий свет, холод, резкие звуки. Но самое неприятное в том, что исчезли ориентиры себя — границы своего тела. Ребенок оказался «размазанным» по всему миру: он везде — значит нигде. Это смерть, но смерть особая — в своем субъективном переживании.

Оказавшись в (потребностном) состоянии дефицита жизнеподтверждающих сигналов, ребенок инстинктивно включает поисковую (общую ненаправленную) активность — крик и активные неупорядоченные движения. Образцом искомого состояния, по-видимому, является безмятежное состояние полной защищенности и покоя, знакомое по материнскому лону. В какой-то момент среди общего хаоса непонятного ему мира дитя обнаруживает нечто, отдаленно напоминающее искомое состояние. Это — прикосновения к телу, уют и защищенность вблизи тела матери.

У детенышей животных вылизывание помогает задать границы тела: поток тактильных ощущений однозначно указывает поверхность, разделяющую внешний мир и организм. У человеческого дитяти выделение своего тела из мира, становление кинестетического и тактильного фундамента для построения своего «Я» сильнее растянуто во времени. Тем не менее самое главное происходит — уже произошло! — благодаря первым прикосновениям к живому существу (у людей это другой человек, разумеется). А именно — обнаруживается, что телесный контакт отчасти восстанавливает исходное благополучие. Это как раз и есть *субъективное восприятие* своего бытия: субъективно мы живем, лишь вступая в контакты с себе подобными живыми существами.

Таким образом, в межличностном контакте происходит психическое дублирование потребности быть. Там мы находим первое подтверждение

заявленному ранее утверждению, что контакт с Другим — это момент подтверждения факта своего существования. Теперь это утверждение получило свое феноменальное разъяснение: сущность контакта состоит в том, что в общении мы помогаем друг другу чувственно удостовериться факт своего бытия.

Межличностный контакт и психологические границы

М. Хейдметс подвергает рассмотрению подмеченную им зависимость между контактом и степенью свободы выбора у человека. Он полагает, что «чем теснее пространственный контакт человека с другими людьми, тем более зависим он в своей деятельности от других, тем меньше у него свобода выбора способов деятельности» [8]. Кроме пространственного контакта, автор рассматривает еще и социальный контакт, который определяется как «контакт на основе совместной деятельности, полюсами которого были индивидуальная и коллективная деятельность» [8]. Зависимость остается той же: «Всякая совместная деятельность людей предполагает в еще большей мере «переход» внутреннего контроля во внешний, предполагает увеличение зависимости поведения человека от среды» [там же]. Разницу автор усматривает в характере зависимости. Пространственный контакт порождает информационную зависимость, а социальный — «деятельную зависимость».

В свете предложенной онтогенетической реконструкции исходного психического состояния младенца мысль о том, что межличностный контакт неразрывно связан с зависимостью его участников, можно отнести к числу фундаментальных закономерностей. Действительно, состояние плода в утробе матери характеризуется как предельно полным контактом, так и предельной зависимостью от другого существа. То же самое мы обнаруживаем — в чуть ослабленной степени — и у новорожденного младенца. А весь период взросления человека — это постепенное снижение степени его непосредственной зависимости за счет появления (опосредованных) зависимостей иного рода: от культуры, государства, от ожиданий и чьих-то надежд, от собственных обязательств и пр. Но общий объем зависимости/контакта остается примерно одинаковым: «Для человека первостепенным является сохранять в оптимальных границах общую интенсивность пространственного контакта, нежели оптимизировать его по отдельным «каналам» или формам. ... Можно выдвинуть гипотезу о наличии взаимокомпенсирующих связей и между пространственными и социальными формами контакта» [8].

Вместе с тем в контакте наряду с зависимостью содержится одновременно и средство жизненного самоутверждения. Постепенно приобретая способность к регуляции плотности и качества контакта, ребенок получает в руки средство произвольного подтверждения себя с помощью Другого. Платить за это приходится попаданием в зависимость от него. Тем не менее у ребенка появляется выбор: можно подтвердить себя, опираясь на другого, а можно утвердить себя, опираясь на себя.

Схожие мысли находим у Р. Лэнга, который полагает, что человеку для общения с другим человеком нужно обладать твердым ощущением «... автономной индивидуальности, чтобы можно было относиться к людям, как одно человеческое бытие к другому» [3]. В противном случае человек может испытывать беспокойство, связанное с возможностью «поглощения» его другой личностью. «Поглощение ощущается как риск быть понятым (т. е. постигнутым, достигнутым, схваченным), быть любимым или даже просто быть увиденным» [там же]. Основным контрприемом, который использует в этой ситуации человек, является «изоляция» себя, ограничение.

Ф. Перлз так пишет о границах «Я»: «... идентифицируемся ли мы с настоящим «Я» или сливаемся с окружающей средой настолько, что ставим себя в положение скорее реагирующих, чем действующих, выражающих, опережающих ... Такое решение требует понимания функции границы «Я» и границы Эго. Обе — границы контакта. Выражение «границы Я» — корректно, термин «границы Эго» ограничен индивидуумом, но его законы применимы ко всем границам контакта. Эти границы определяются дихотомией: «идентификация/отчуждение» [5]. В данном фрагменте для нас важны три момента: обсуждение границ применительно к проблеме контакта, представление о множественности границ и их подвижности и замечание относительно механизмов формирования границ (идентификация/отчуждение).

Ключевой момент в решение проблемы субъективной значимости контакта вносит А. Ш. Тхостов. Свои размышления он строит на классическом феномене зонда: человек закрывает глаза и, ощупывая предметы зондом «парадоксальным образом локализует свои ощущения не на границе руки и зонда (объективно разделяющей его тело и не его зонд), а на границе зонда и объекта. Ощущение оказывается смещенным, вынесенным за пределы естественного тела в мир внешних вещей. ... Наиболее важно в этом феномене то, что граница локализации ощущений (т. е. граница между Я и не-Я) прямо зависит от границы автономности/предсказуемости. В случае с зондом, например, ощущение сразу смещается на границу рука/зонд, если зонд начинает двигать не только сам субъект» [6].

Положение о том, что субъектность локализуется на границе «Я», применительно к проблеме межличностного контакта, позволяет ясно понять, что у младенца психологические границы, проходящие на изломе автономность/зависимость, предсказуемость/непознанность, контроль/изменчивость еще не могут быть сформированы. Оставаясь долгое время без границ, он физически ощущает сплошную плотную поверхность, проникающую далеко вглубь него самого. Субъективно это должно восприниматься, по-видимому, как атака и давление, из-за которых субъект сжимается до неуловимо малого ядра, вступающего в непосредственный контакт с жестким миром, переживая при этом состояние опасной обнаженности. Взрослый человек может почувствовать нечто отдаленно схожее, попав в новые для него условия — он тут же обнаруживает «забытую плотность бытия», причем «размерность субъектности резко сокращается, а в мире объектов появляются, казалось бы, уже давно исчезнувшие вещи, неудобные детали, непривычные отношения, создающие ощущения враждебного, непослушного, «чужого»» [6]. И наоборот — осваивая пространство, индивид разрежает невыносимую плотность бытия, делая мир более понятным и менее угрожающим.

При избытке телесного контакта с матерью младенец получает многократно повторяющиеся стереотипные впечатления, которые постепенно становятся все более предсказуемыми и даже подконтрольными. Они сворачиваются и погружаются (интериоризация), превращаясь в собственную психическую плотность. Получая известный контроль (предсказание) над событиями, непосредственно примыкающими к протоощущению «Я», младенец снижает дискомфорт, повышая для себя безопасность мира и свою стабильность в нем.

Представленная картина затруднений описывает, как воспринимается состояние погруженности в мир самим субъектом. Вместе с тем наличие затруднений — необходимое условие существования (субъективного) сознания. «Момент рождения сознания можно с известными оговорками от-

нести к моменту рождения человека, переходящего из гомогенной пренатальной среды в гетерогенную и сталкивающегося с жаждой, голодом, теплом, холодом, осваивающего первое коммуникативное орудие — крик — для овладения миром, персонифицированным матерью. «Невыносимая плотность бытия» — не затруднение, а обязательное условие существования сознания: пловцу только кажется, что плотность воды мешает ему плыть, на самом деле именно она дает ему эту возможность» [7].

В данных положениях мы усматриваем логическое доказательство того, что контакт с другим человеком выполняет функцию жизнеподтверждающего события. Почему с другим человеком, а не со всем миром? Во-первых, первоначально (в онтогенезе) весь мир — это почти исключительно люди. Во-вторых, мир постепенно осваивается, становится относительно предсказуемым. Но что никогда не бывает в достаточной степени предсказуемым, так это другой человек. Другой — это всегда необычайность [4], всегда «потемки».

А. Ш. Тхостов сомневается в том, что в эффектах сенсорной депривации проявляется мотивация общения: «На самом деле речь идет о более фундаментальном моменте: о самой возможности очерчивания местоположения субъекта, для чего абсолютно необходимо существование разрыва, размечающего Я и не-Я. Моя самоидентичность есть другая сторона границы не-Я ... По одну сторону этого разрыва находится «черная дыра» истинного субъекта, по другую — плотный мир» [7]. На самом деле оба толкования не противоречат друг другу и являются верными, если учесть, что разрыв, размечающий Я и не-Я, первоначально обеспечивается именно человеком. Потребность в общении (что, в сущности, равно потребности в контакте) можно рассматривать как частный случай (где часть субъективно соизмерима с целым) необходимости в опорах (сопротивлении) со стороны внешнего мира. Такие опоры в подавляющем большинстве случаев предоставляет другой человек.

Рассмотрение проблемы психологических границ в ее общем виде привело нас к еще одному обоснованию утверждения, что межличностный контакт выступает важнейшим условием и основным средством создания самого субъекта, фиксации его в новых координатах пока не освоенного мира. Психологические границы, интериоризируясь вместе с «приданным» им содержанием, образуют психические структуры. Поэтому межличностный контакт субъективно воспринимается человеком — на тех психических уровнях, которые закладывались в перинатальный период — как жизнепорождающее (жизнеподтверждающее) событие. Данное явление имеет фундаментальное значение для понимания глубоких механизмов человеческого общения.

Виды межличностных контактов

В ходе онтогенеза происходит развитие форм межличностного контакта, их возвышение, своеобразная сублимация. По мере психологического созревания и социализации в дополнение к телесному ребенок начинает осваивать новые формы контакта. Такая возможность существует в силу того, что уже первородный контакт содержит в себе, как в потенции, более зрелые виды межличностного контакта. Мы предлагаем развернуть исходный протопатический контакт до полных его форм.

Основание для выделения видов контактов мы находим в различных психических структурах. Мы исходим из положения, что в контакт может вступать в основном подобное с подобным: тело с телом, эмоция с эмоцией, знак со знаком и т. п. Но какие бы виды контакта мы ни выделяли, все они

корнями уходят в то первичное (архаичное) чувство единства и слитности, в котором человеческое существо изначально себя обнаруживает. А виды — это лишь относительно поверхностные его презентации.

Телесный контакт. Первоначально телесные прикосновения — это событие (совместное бытие младенца и взрослого), подтверждающее факт существования ребенка. Поэтому поверхность тела (его границы) играет особенную роль в формировании потребности в контакте, а кинестетические переживания являются субстратом межличностного контакта как способа объединения людей в сообщества. В этом свете становится понятным то, что дети так чутко отзываются на телесную ласку. По-новому понимается также склонность взрослых в эротическом контакте (в основном телесном) терять свою взрослость. Возможно, чем ближе к оргазму, тем сильнее мы впадаем в архаическое состояние взаимослияния, в котором разница между телесным и протопатическим исчезает.

Психологический контакт. Совмещение прикосновений взрослого к младенцу со словесными обращениями к нему, подача плотного потока эмоционально окрашенных сообщений ведет к тому, что последние становятся столь же важными и необходимыми, как и прикосновение. Как следствие, они тоже приобретают жизнепорождающий смысл. Поэтому-то так остро мы нуждаемся во внимании к себе, которое, надстраиваясь над телесным контактом, становится более развитой формой межличностного контакта — пусть уже и не телесного, но столь же субъективно важного. Соответствующую данному контакту потребность можно назвать потребностью во внимании. Если в телесном контакте преимущественно подтверждался факт телесного бытия, то в контакте через внимание подтверждаются качества субъекта психики — способность к эмоциональному реагированию, активному восприятию и пр. Было показано (М. И. Лисина), что комплекс оживления младенца — это не только (часто не столько) реакция на действия взрослого, но уже акция, цель которой — побудить взрослого к общению.

Знаковый контакт. С того момента, когда взрослый стремится истолковать действия младенца — понять, что ему необходимо, чего он хочет, чего он «просит», начинается интенсивная подготовка к введению его в члены Человечества. Слово «просит» взято в кавычки потому, что оно первоначально является результатом истолкования взрослым поисковой активности младенца; ребенок лишь вторично начинает воспринимать свои действия как предъявляемые взрослому требования. Взаимные истолкования действий как сигналов, имеющих культурное происхождение (значения), пристрастное присвоение их в качестве средств взаимодействия создают среду, в которой факт понимания уже сам по себе становится (субъективным) эквивалентом приобщения к обществу — подлинно человеческой формой общения. Не зря столь распространено житейское отождествление общения с разговором и беседой, поскольку именно в ней в наиболее явной форме выражается общественная природа общения. Психическая реальность, существование которой получает свое полное подтверждение в данной форме межличностного контакта, — это само сознание — совместное владение знаками, знаниями, позволяющими понимать друг друга, согласовывать свои действия, создавать новую социальную общность.

Личностный контакт. По мере вызревания личностных структур (способности к поступку, взятию ответственности, смыслового интегратора мотивационной мозаики) в общении проявляются и набирают силу такие формы контакта, как принятие, признание, уважение. Эти формы контакта — уже в настоящем смысле слова межличностные связи. Данный вид контакта

вскрывает пласт общения, в рамках которого в наибольшей степени способны реализоваться сущностные силы людей как членов всечеловеческой общности. Ему соответствует потребность в принятии, а само принятие выделяется в высшую ценность в сфере межличностных отношений.

Данная типология определяет формы удовлетворения потребности в межличностном контакте (в подтверждении факта существования) в онтогенезе. В общих чертах она исходит из традиционной уровневой модели человека: тело (организм, индивид), психические процессы (натуральный ряд), социальный индивид (высшие психические функции), личность (как функциональный орган индивидуальной интеграции и формирования жизненной позиции).

Вместе с тем появление видов межличностного контакта соответствует логике чередования двух альтернативных устремлений, характеризующих развитие человека. Это (а) приобщение — процесс (и результат) включения человека (или вообще живого существа) в сообщество себе подобных и (б) обособление — процесс (и результат) вычленения себя из мира, определения той части этого мира, которая остается стабильной, несмотря на все изменения; эта часть принимается за опору своей самости. В этом смысле данные виды межличностных контактов могут рассматриваться также как уровни его развития:

ВИДЫ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНТАКТОВ

Вместе с тем возможна и иная типология видов контактов, которая может быть использована в практических задачах для анализа средств установления и поддержания межличностного контакта: сенсорный (телесный, зрительный и слуховой), эмоциональный, знаковый, операциональный, предметный, личностный, духовный [2].

Глубина межличностных контактов

Очевидно, что выделенные виды контактов феноменологически различаются между собой тем, какие ощущения порождают. Одно из важных измерений таких ощущений описывается в словах *доверительность*, *интимность* и т. д. Другое интуитивно ощущаемое измерение можно описать на языке «археологических» пластов: *архаичность*, *сокровенность* и проч. Оба они в чем-то важном сходятся и определяют параметры, задающие глубину (поверхностность) контакта.

Разные виды контакта характеризуются различной глубиной межличностного контакта. Так, скажем, сенсорный контакт представляется более поверхностным, чем контакт личностный или духовный. Вместе с тем телесный контакт, несмотря на то, что мы отнесли его к сенсорному контакту, на ранних этапах онтогенеза (а иногда и позже) может переживаться как предельно глубокий. Очевидно, что не все виды хорошо располагаются вдоль оси поверхностное — глубокое, а интуитивно понятное измерение, которое

люди называют глубиной контакта (отношений), в теоретическом плане является непроработанным. Предпримем попытку хотя бы частично восполнить этот пробел.

Снова воспользуемся рассуждениями А. Ш. Тхостова: «Форма феноменологического существования субъекта, требующая своего превращения в отчужденную форму через *иное*, ... принципиально есть *фантом*, иллюзорно совпадающий с истинной реальностью. Тело по отношению к организму, образ мира по отношению к миру, *эмпирическое Эго* по отношению к *чистому Эго* суть более или менее адекватно адаптированные фантомы реальности, позволяющие с минимизированным припуском жить в реальном мире. Усвоенная субъективная схема реальности... вносит в него порядок и саму возможность разрядить «невыносимую плотность бытия» [7].

Когда А. Ш. Тхостов говорит о фантомах, речь идет о знаковом удвоении неизвестной нам реальности. Созданная семантическими средствами субъективная модель неизбежно является упрощением и искажением моделируемой реальности. В этом смысле мир, с которым мы привычно имеем дело, есть лишь его бледная копия. Наша жизнь действительно заслуживает того, чтобы назвать ее, как это делают на Востоке, *майя* — великая иллюзия. Несмотря на свое несовершенство, эта иллюзия не только позволяет, но и требует — в силу своего несовершенства — понимать эту реальность, мысленно оперировать ее элементами. С еще большей настоятельностью эта иллюзия, будучи несовершенной, требует своего собственного подтверждения. Подобно тому, как фантомные ощущения уже не существующей конечности «требуют» считать их реальностью, так и образ мира нуждается в постоянном своем подтверждении. Процессуально это выражается в самом его функционировании: психические структуры существуют в виде процедуры их порождения, поэтому в своем функционировании они каждый раз восстанавливаются заново.

Это в полной мере относится и к психологическим границам: «Граница, разделяющая субъект и объект, *не задана* раз и навсегда, а *образуется* каждый раз заново и может сдвигаться в любую сторону. Если речь идет о *чистом Эго*, то оно есть нечто вроде «черной дыры» и попросту непредставимо иначе как в превращенных формах *эмпирического Эго*, являющихся, строго говоря, более объективными, чем субъективными» [7]. Истинный субъект может себя проявить только через создание совместной границы, создающей саму возможность вступления во взаимодействие с чем-то или с кем-то Иным по отношению к себе. Устанавливая границу (средство контакта), субъект создает инструмент как взаимодействия, так и самовыражения, самоутверждения.

В наиболее полном виде процесс перевоссоздания психических структур разворачивается тогда, когда внешние или внутренние условия близки к экстремальным и характеризуются непредсказуемостью, отсутствием готовых шаблонов решения возникающих проблем. Но именно эти признаки характеризуют ситуацию межличностного контакта: Другой — в идеале, в своей сущности — всегда непредсказуем, всегда необычен [4], всегда странен. Эта странность содержит в себе отстраненность, нахождение на другой стороне, «по ту сторону границы». И именно в этой странности он и представляет особую ценность в качестве «Большого Соседа», присутствие которого позволяет поддерживать и собственные границы. Это присутствие (корень *суть*?) и составляет сущность общения, его ядерного (коренного) процесса — контакта!

В свете сказанного можно несколько по-иному понять глубину межличностного контакта. Вероятно, глубокий (глубинный) контакт — это тот, который в наибольшей степени удовлетворяет потребность в самоподтверждении, в самореализации. Если это так, то в принципе различные виды контакта в различных условиях могут быть субъективно восприняты как глубокие. Все же наиболее глубокий контакт устанавливается тогда, когда архаичность и открытость совпадают (объединяются). И наоборот, наиболее поверхностным контакт является в ситуациях предельной изменчивости и семантической непроницаемости (закрытости) партнеров друг для друга.

Общая логика установления и поддержания межличностного контакта теперь может быть представлена таким образом. Разные виды контакта в принципе предполагают различную его глубину, но истинное свое проявление они приобретают лишь в состоянии субъективного «оживления» — актуализации. В каждом конкретном случае человек настраивается на соответствующий ситуации вид и глубину контакта. Эта релевантность ситуации, помноженная на структурные особенности и потребности каждого партнера по общению, и определяют, какой будет реальная глубина межличностного контакта. Каждый из них вовлекает в общение те стороны своей души, которые на данный момент требуют вступления в контакт (ради своего подтверждения) или ожидают (запрашиваются) партнером по общению.

Возвращаясь к основной цели статьи, мы готовы дать определение обсуждаемого понятия. **Межличностный контакт** — это такое межличностное событие (совместное бытие), которое актуализирует (воссоздает) субъективные границы вступивших в общение партнеров. Такая актуализация, во-первых, поддерживает самоидентичность и самоочевидность «Я» каждого из них. А во-вторых, запускает процесс взаимодействия между субъективными мирами, находящимися по разные стороны совместной (межличностной) границы.

Понятие межличностного контакта выступает родовым понятием для возможных его феноменологических проявлений: прикосновений, взглядов, обращений, внимания, понимания, признания и пр. Динамически он выражается во взаимонаправленности векторов их активности. Структурно контакт представляет собой момент соприкосновения (психологических) границ, частичное их объединение. Немаловажно то, между какими пластами внутреннего мира устанавливается контакт: глубокими или поверхностными, собственно личностными (душевный контакт) или ролевыми (деловые контакты), сенсорными или смысловыми и т. п. Соответственно виду контакта складываются и отношения. Функционально же контакт есть учет (признание, принятие) партнерами самого факта существования друг друга. Понятие контакта указывает на первостепенную важность самого факта объединения двух психических систем. Если это так, то необходимо признать, что в значительной мере межличностный контакт и составляет сущность общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. Изд-во Трансперсонального института, 1993. 504 с.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. М.: ЧеРо; Изд-во Моск. ун-та, 1996. 340 с.
3. Лэнг Р. Д. Расколотовое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.
4. Павлов А. В. Необычайное: Опыт индивидуального осмысления действительности. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. 176 с.

5. Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург: XXI век, М.: Академия, 1997. 448 с.
6. Тхостов А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вест. МГУ. Сер. 14. Психология. 1994. № 2. С. 3–13.
7. Тхостов А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1994, № 3. С. 3–12.
8. Хейдметс М. Пространственный фактор в межличностных отношениях: попытка построения концепции. // Человек. Среда. Пространство: Исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. Тарту: Тартуский гос. ун-т., 1979. С. 4–28.

*Ирина Никитична ЕМЕЛЬЯНОВА —
старший преподаватель кафедры общей
и социальной педагогики,
кандидат педагогических наук*

УДК: 378.147

О ФОРМИРОВАНИИ У СТУДЕНТОВ ПОЗИЦИИ ВОСПИТАТЕЛЯ

АННОТАЦИЯ. В статье поднимается проблема формирования у будущих педагогов позиции воспитателя. Приводятся данные о несформированности у студентов университета гуманистической позиции воспитателя. Обозначены пути совершенствования работы вуза по формированию продуктивных воспитательных отношений.

The article touches upon the problem of bringing up educationalists at the teacher-training university departments. It contains data proving the absence of human traits necessary for a future educationalist and offers some concrete ways of perfecting the pedagogical process with the aim of building up productive educational relations.

Педагогика как теория и практика воспитания пережила множество заблуждений. Одно из них: разделив учебные и воспитательные функции учителя, мы, по сути дела, отделили позицию воспитателя от позиции учителя. Еще Я. А. Коменский в своем основополагающем педагогическом труде разделяет дидактику как «универсальное искусство учить всех всему» [1] и пампедию как «универсальное воспитание всего человеческого рода». [1]. Такой подход настолько прочно вошел в теорию педагогики, что и существующая ныне программа по педагогике разделяет теорию обучения и теорию воспитания.

Между тем в классической педагогике была и иная точка зрения: «Вы отличаете учителя от воспитателя, — пишет Ж. Ж. Руссо, — новая нелепость! Разве вы отличаете ученика от воспитанника? Одну лишь науку предстоит преподавать детям — науку об обязанностях человека» [4]. Нельзя сказать, что голос Руссо не был услышан. Более того, лучшие воспитательно-образовательные модели, созданные экспериментальным движением школы начала двадцатого века, основываются на единстве обучения и воспитания.